

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

18+

РЭМСИ КЭМПБЕЛЛ

НОЧНОЕ
ДЕЖУРСТВО

Легенды хоррора

Рэмси Кэмпбелл
Ночное дежурство

«Издательство АСТ»

2004

УДК 821.111821.111(73)

ББК 84(4Вел)

Кэмпбелл Р.

Ночное дежурство / Р. Кэмпбелл — «Издательство АСТ»,
2004 — (Легенды хоррора)

ISBN 978-5-17-155131-5

Книжный должен быть уютным и привлекательным, по крайней мере, таким его хочет видеть новый директор магазина «Тексты», американец, недавно переехавший в Великобританию. Но это оказывается довольно трудно, так как в его магазине, одном из целой сети, постоянно творится что-то неладное. Во-первых, здание постоянно скрывает густой туман. Каждый раз, когда работники приходят утром, многие книги лежат на полу, некоторые изорваны или пропитаны какой-то влагой. Компьютеры сбоят, а по ночам, даже отключенные, мерцают странным серым светом. Заказы исчезают. На купленных видеокассетах вместо фильмов оказываются тени, изображающие древние битвы и жертвоприношения. Когда на стоянке перед магазином машина насмерть сбивает одну из продавщиц, директор решает перейти к жестким мерам. Грядет проверка, и он оставляет весь персонал на ночное дежурство, чтобы перебрать ассортимент и выяснить, кто же устраивает в помещении беспорядок. Но на экранах камер видеонаблюдения уже показались странные существа, полупрозрачные, но оставляющие после себя склизкие следы. И туман становится все непрогляднее, а опасность и ужас подкрадываются все ближе.

УДК 821.111821.111(73)

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-155131-5

© Кэмпбелл Р., 2004

© Издательство АСТ, 2004

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рэмси Кэмпбелл Ночное дежурство

Ramsey Campbell
The Overnight

© Ramsey Campbell, 2004
© Елена Королева, перевод, 2024
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Посвящаю эту книгу Тэм и Сэм, с любовью и овощами

Глава первая

Вуди

Сколько же сейчас времени? Кажется, он едва успел заснуть, и вот уже звонит дорожный будильник. Нет, это местный беспроводной телефон, который вечно оказывается где попало. Эти приглушенные трели вызывают ощущение, что он так и не избавился от синдрома смены часовых поясов, хотя в Англию переехал уже несколько месяцев назад. Вуди неуклюже вылезает из-под стеганого одеяла, которое должно защищать от холодов северной Англии, и тут же понимает – телефон он оставил внизу. Хорошо бы накинуть халат, вот только петелька обмоталась вокруг крючка на двери, а телефон ждать не станет. Может, это Джина подумала, что сейчас по эту сторону океана день. Может, она все-таки решила дать его книжному магазину шанс.

Он хлопает по выключателю, зажигая едва прикрытую абажуром лампочку, и быстро выходит из комнаты, тяжело топая вниз по лестнице шириной примерно с телефонную будку. Перила, скользкие от прохладной краски оттенка старческих зубов, скрипят, предостерегая, чтобы он не очень-то на них опирался. Сфера над лестницей тратит почти все энергию на собственное желтоватое свечение. Он и не подозревал, пока не наступил босыми ногами, что ковер бывает таким холодным; коври, впрочем, далеко до линолеума на кухне. Здесь трубки тоже нет. По крайней мере, в аренде такого маленького домика, владеть которым захочет разве что британец, имеются свои преимущества: здесь не так много мест, где может спрятаться телефон.

Он в гостиной, рядом с креслом, развернутым к телевизору, который показывает так мало каналов, что нет смысла покупать программу. Заскорюзлые шторы цвета шоколада задернуты, и, подходя к креслу, он включает лампу под розовым абажуром. Телефон не рядом с креслом, он внизу, под ним, – и что тут еще за дрянь? Обертка от конфеты, украшенная пылью и волосами, и позеленевшая монетка, такая старая, что ее вряд ли примут в магазине. Свободной рукой он нажимает на кнопку.

– Вуди Блейк.

– Это мистер Вуди Блейк?

Неужели ему приснилось, что он только что так и сказал?

– Он самый, совершенно верно.

– Мистер Блейк, директор «Текстов»?

К этому моменту Вуди удалось стряхнуть с пальцев липкую бумажку в помятую мусорную корзину, обернутую теми же обоями в цветочек, какими оклеены стены. Он с опаской опускает ничем не защищенный зад на краешек шершавого кресла.

– Именно так.

– Говорит Ронни, дежурный охранник из торгового комплекса в Заболоченных Лугах. В вашем магазине сработала сигнализация.

Вуди уже на ногах.

– Что случилось?

– Возможно, ложная тревога. Нужно, чтобы кто-то проверил.

– Выезжаю.

Он уже миновал тени гипсовых уток, падающие на стену над лестницей. Полминуты в ванной комнате помогают немного снять напряжение, и вот он снова в одежде, которая впитала в себя промозглую прохладу дома. Вуди набрасывает пальто, вполне годное даже для зимы в Миннесоте, и захлопывает за собой громоздкую входную дверь, ступая на тротуар в шесть футов шириной. Два шага, и он уже у взятой напрокат машины, оранжевой «хонды», которая,

впрочем, была бы белой, если бы не уличные фонари – в их свете все словно залито тыквенным соком, который остался с прошлой недели, после Хеллоуина. На улице – британцы называют такие террасными: дома из красного кирпича притиснуты друг к другу, словно сдвинутые меха гармошки, только выпученные окна таращатся – ни души, если не считать Вуди и его подкрашенного оранжевым светом дыхания. Машина выбрасывает охристое облачко, прежде чем развернуться на сто восемьдесят градусов, и проезжает мимо паба под названием «Трезвонник», который до того явно звался «Висельником», заведения, где местные, похоже, проводят все дни напролет, делая ставки на лошадей. Полмили террасных домов, и светофор показывает красный сигнал без всякой пользы для кого бы то ни было, а затем Вуди оставляет позади тротуары и дома с разросшимися садами, где доцветают запоздалые одуванчики, а вечнозеленые растения стоят по-осеннему рыжие в свете фонарей. Еще две мили по шоссе, и он уже на скоростной трассе, соединяющей Ливерпуль с Манчестером. Едва успевает разогнаться до предела разрешенной скорости, как пора тормозить и сворачивать к торговому комплексу.

Нет сомнений, книжный магазин занимает самое выигрышное положение среди прочих торговых точек, расположенных на этом овале в полмили длиной. Еще только съезжая с трассы, он видит гигантские вытянутые буквы, образующие слово ТЕКСТЫ на бетонной стене двухэтажного строения. Туман заволакивает витрину беловатой пеленой. Вуди проезжает вдоль фасадов торгового комплекса, минуя несколько недостроенных зданий, и въезжает на территорию между закусочной «Стопка стейков» и супермаркетом «Фруго». Черную поверхность парковки украшают полосы газона с посаженными по трое молодыми деревьями. Они отбрасывают на машину сетку теней в свете прожекторов, стоящих на страже магазинов: салон сотовых телефонов «Будь на связи», «Все для малышей» бок о бок со «Всякой всячиной для подростков», «ТВид» с заставленной телевизорами витриной и туристическое агентство «Веселые каникулы», расположенное в том же проулке, где и книжный. Вуди останавливает машину в трех парковочных местах от входа в «Тексты», и его слух заполняет нескончаемая трель, словно какая-то гигантская ночная птица спятила и не может умолкнуть.

Ему навстречу тяжело вышагивает крепко сбитый охранник в форме с планшетом под мышкой.

– Мистер Блейк? – громко вопрошает он, и интонации его голоса такие же ровные, как и армейская стрижка, а говор такой же грубый, как и черты его безрадостной физиономии.

– А вы, наверное, Ронни. Я ведь быстро приехал?

Охраннику порядка приходится свериться с наручными часами на толстом черном ремешке и как следует почесать затылок, прежде чем он сообщает:

– Почти семнадцать минут.

Он кричит еще громче, чем до того, и этот крик, вместе с завываниями сигнализации, кажется, способен лишить Вуди рассудка.

– Разрешите, я... – вопит в ответ Вуди, указывая на магазин, и нажимает на кнопки панели между ручками стеклянных дверей.

Два, двенадцать, один, одиннадцать, и он допущен через рамку, на коврик с надписью «ЧИТАЙ ДАЛЬШЕ!». Он вводит еще один код на панели сигнализации, которая горит красными огоньками напротив этажа с торговым залом, и тишина больно бьет по ушам, если не считать одиночного, едва слышного жужжания, которое Вуди списал бы на комара, работай он по-прежнему в филиале Нового Орлеана. Он не успевает определить источник звука, когда Ронни произносит:

– Вам надо расписаться у меня в бумагах.

– С радостью, но после того, как проверю магазин. Вы не можете?

Охранник явно ошарашен видом полумиллиона книг, начинающихся со стопок «Искусительных текстов» на столе сразу за ковриком у двери. Вуди включает все лампы на потолке и идет влево, мимо прилавка с кассовыми аппаратами и информационного терминала.

– Вы можете проверить с другой стороны, – намекает он.

– Если кто-то ошивается тут без дела, я ему покажу.

Судя по тону, Ронни бы с удовольствием проучил кого-нибудь. Он быстро проходит через «Путешествия и истории», где Вуди через окно справа заметил, что рекламные буклеты на краю стеллажа пора обновить; он напомним Агнес, Аньес, как называет себя она сама, что покупательны достойны видеть что-то новенькое каждый раз, когда посещают «Тексты». Вуди быстро проходит через секции Джил «Современная проза» и «Классика», протянувшиеся вдоль левой части витрины. У боковой стены с видеокассетами и дисками разных форматов спрятаться негде, а стеллажи в центре зала доходят высотой всего лишь ему до плеча. Секция Уилфа в таком образцовом порядке, словно ни у кого уже больше нет времени на Веру, будь то религия или оккультизм, однако каждая книжка найдет своего покупателя – это еще один девиз «Текстов», ставший теперь международным. Между тем охранник Ронни вертит головой по сторонам над полками в отделе «Жанровой литературы» Джейка.

– Ничего, – сообщает он, перехватив взгляд Вуди. – Одни только книжки.

Вуди невольно принимает это замечание близко к сердцу. Ну как можно оставаться таким равнодушным, когда «Тексты» предлагают целую вселенную книг? И это тревожит его куда больше, чем возможный злоумышленник.

– А вы что читаете? – окликает он охранника.

Ронни заходит в «Эротику», прежде чем сознаться:

– Что посмешнее.

– Юмор у боковой стены.

Хотя Вуди ни в коем случае не пытается его задеть, Ронни, похоже, прилагает усилия, чтобы не воспринимать его слова как шутку на свой счет, и потому Вуди сосредотачивает свое внимание на задней стене, где расположена детская секция. Некоторые ниши выглядят так, словно на полках резвилась обезьяна. Вовсе не такими они должны оставаться в конце дня, придется поговорить об этом с Мэделин. За креслами в нишах никто не прячется – места там хватило бы разве что гномику, – зато на ковре в «Текстах-крошках» валяется раскрытая книга, распластавшись лицом вниз. Это первая книжка для чтения, где на каждом широком развороте односложное слово и рисунок к нему. Наверняка Мэделин не оставила бы книжку на полу, возможно, из-за ее падения и сработала сигнализация. Вуди убеждается, что книга не пострадала, и возвращает ее на полку. По дороге обратно к «Искусительным текстам», где стоит Ронни, он больше не замечает никаких упавших томов.

Охранник пялится на книги, выпятив губы. Похоже, что-то из бестселлеров все же его зацепило. Вуди уже готов подбодрить его, как тот вдруг хлопает по стопке «Ринго, ей-богу!» своим планшетом.

– Вот тебе, мелкий пакостник!

Даже если он от души ненавидит всех «битлов» скопом или только их барабанщика, это не повод портить книги, но тут Вуди замечает результат неожиданного нападения. На носу знаменитости бьется в последней судороге комар. Ронни отскребаёт комара ногтем большого пальца и вытирает палец о штаны, оставляя под левой ноздрей Старра мерзкую соплю.

– А все это глобальное потепление, – ворчит Ронни. – Погода уже не знает, в какую сторону двигать.

Вуди трет обложку носовым платком, пока не исчезают все следы происшествия. Он наблюдает, с каким старанием охранник выводит первую букву на листе бумаги, заправленном в планшет, когда колонки над головой вдруг разражаются песенкой: «Ах ты, боже, вот так так...». Это первая запись на диске, который головной офис рассылает по новым филиалам, чтобы подбадривать персонал, пока магазин формируется и заполняется товаром. Вуди вынужден признать, что это один из тех редких случаев, когда ему стыдно быть американцем,

но с чего вдруг диск заиграл? Может, подобный глюк в электрической системе включил и сигнализацию? Вуди выключает проигрыватель за прилавком, и Ронни хмурится.

– А мне понравилось, – признается он.

Вуди пропускает мимо ушей замаскированную просьбу, и охранник продолжает трудиться над своим сочинением, которое в итоге передает Вуди вместе с планшетом и шариковой ручкой, треснувшей от давления его пальцев.

«Ложная тревога в книжном магазине „Тексты“ с 00:28 до 00:49», – гласит вся фраза, завершающаяся чернильной кляксой.

– Спасибо, что приглядываете за моим магазином, – произносит Вуди, стараясь загримировать кляксу под первую гласную букву в своей подписи, отчего она лишь приобретает сходство с кривой ухмылкой.

– Это моя работа.

Тон у него такой, словно Вуди, по его мнению, наговорил слишком много. Может, он считает, что директор не имеет права выдавать себя за владельца магазина. Вуди подмывает признаться, что он впервые управляет целым филиалом, получив повышение после того, как поработал в Новом Орлеане и Миннеаполисе, однако если этот факт ничего не значит для Джини, с чего бы он произвел впечатление на охранника? А Джина сразу же невзлюбила Заблоченные Луга и, хуже того, не смогла назвать причину неприязни. От впечатлений мало пользы, если ты не можешь или не хочешь выразить их словами. Никаких сомнений, она просто обязана остаться на Миссисипи, а здесь ей климат не подойдет.

– Ладно, подозреваю, этой ночью больше ничего не случится, – говорит вслух Вуди, слишком поздно осознав, что для Ронни это, возможно, не так.

Тень Ронни ползет мимо магазинов и пустующих построек в сторону будки охраны рядом с супермаркетом «Фруго», а Вуди снова ставит книжный на сигнализацию. Свет прожекторов бьет по глазам, пока он не забирается в «хонду», однако он не позволит усталости одолеть его раньше, чем голова опустится на подушку. Когда он жмет на газ, поднимаясь к скоростной трассе, в свете фар на бетонных колоннах под эстакадой проступают граффити, короткие пошлые словечки, написанные примитивными буквами, тем громднее, чем мельче породивший их разум, подозревает он. Вот без этой категории покупателей «Тексты» вполне обойдутся, и Вуди надеется, Ронни с коллегами оградят от них магазин, пока тот не обзаведется собственными охранниками. Но в целом он уверен, что его работники готовы ответить на любой вызов, включая рождественские праздники, хотя опыта у них было бы куда больше, если бы магазин открыли еще в сентябре. Но это уж не от него зависело – у строителей собственное расписание. Зато теперь он может делать все, что требуется, и от работников ждет не меньшего. Неважно, где жить, пока он счастлив в своем магазине. Наверное, как раз по этой причине Джина была против его работы здесь – не захотела и дальше спать в узкой кровати, которая, впрочем, недолго останется холодной. Подумав о подобной возможности, Вуди кривовато усмехается, выезжая на скоростную трассу, и туман тонет в сиянии фонарей торгового комплекса.

Глава вторая

Джил

– Мама?

– Да, Бриони?

– А ты правда не против, если папа придет посмотреть на меня в рождественской постановке?

– Я правда не против, раз ты этого хочешь.

– Просто мама Люси говорит, ее папа не может прийти. Она говорит, он платит то, что ему положено платить Люси, только когда его охватывает жалость к себе. А мама Салианны говорит, папа Салианны платит, когда чувствует себя виноватым или же хочет, чтобы они и его новая подружка так думали, а мама Марии говорит, она не хочет, чтобы папа Марии когда-либо появлялся у них дома.

Джил могла бы согласиться со всеми этими женщинами, присоединив Джефа к списку неудавшихся мужей, однако не хочет, чтобы Бриони догадалась об этом.

– Что ж, нас это не касается, – произносит она, загоняя «нову» на парковочное место в трех домах от школы.

Она оборачивается к Бриони, которая смотрит на нее глубокими карими глазами, глазами Джефа, в которые Джил и влюбилась когда-то в первую очередь.

– Спасибо, мамочка.

Джил ничего не успевает ответить кроме: «Осторожнее!» – когда Бриони выпрыгивает на тротуар, где ее может сбить велосипедист, схватить педофил, побить ватага злых детей. На самом деле ее берет за руку подружка Мария. Когда они отправляются на встречу с другими восьмилетками, Джил и Тесс, мама Марии, следуют за дочками достаточно близко, чтобы защитить от любой опасности, поджидающей в каждом переулке. Перед воротами, за которыми стоит гул болтовни и радостные крики, Бриони подбегает к Джил, чтобы поцеловать прохладным от осеннего воздуха поцелуем. Джил заправляет концы шарфа Бриони под пальто, желая вполголоса:

– Удачной репетиции.

Мать Марии на прощание шлепает дочь и тут же отходит, Джил, со своей стороны, тоже делает все, чтобы Бриони ощущала себя независимой. Тесс запахивает меховой воротник своего в остальном гладкого пальто, скрывая медсестринскую униформу, и выуживает сигарету, теперь, когда девочки не видят.

– Я сегодня заберу Бриони, – говорит она, – а ты заедешь за ней после работы. Есть надежда, что Санта подкинет твоим друзьям небольшую скидку, если они навестят тебя в магазине? Хочу, чтобы Мария больше читала. Хочу, чтобы во взрослой жизни ей не приходилось ни от кого зависеть, как это было с нами.

– Я всегда много читала. – Чтобы не заострять на этом внимание и не указывать Тесс, чтобы говорила за себя, Джил добавляет: – Честно говоря, скидки в магазине полагаются только семьям, но ты мне скажи, чего именно хочешь, и я выясню, чем можно помочь.

– Мы, матери-одиночки, должны поддерживать друг друга.

Джил думает про себя, что она только что это сделала снова, и протягивает ладонь.

– Увидимся, сестренка, – произносит она, улыбаясь несколько кривовато, возможно из-за того, что Тесс бьет ее по руке с такой силой, что ладонь горит.

Джил включает сигнал поворота, трогаясь от тротуара, но у нее из-за спины тут же без всякого предупреждения вылетает громоздкий «хендай». Разумеется, за рулем мужчина, впрочем, «разумеется» здесь ни к чему. Она не хочет закончить, как ее мать – полным недоверием

к мужчинам; пусть даже, стараясь стать другой, оказалась рядом с Джефом и прожила те же самые отношения, которые вынудили ее родителей расстаться еще до ее рождения. Гораздо важнее, чтобы Бриони не повторила ту же ошибку, ставшую уже как будто семейным проклятием, ведь разве мать Джил не заклинала от этого саму Джил? Фары мигают, словно электрический фонарик, предлагая Джил ехать, и это кладет конец размышлениям.

Спустя пятнадцать минут она выезжает из Бери, узкие улочки которого похожи на одно сплошное препятствие из-за грузовиков, доставляющих товары, и оказывается на скоростной трассе, миновав Манчестер. Еще пятнадцать минут быстрой езды, и она у торгового комплекса в Заболоченных Лугах. Туман расстилается перед ней по асфальту и тянется над влажными зелеными полями до далеких Пеннинских гор – полосы темного зубчатого кружева, вырезанного из серого горизонта. Она останавливается позади «Текстов», под последним пластиковым знаком, который торчит над ее машиной гигантским колом. Касается фотографии Бриони, заткнутой за зеркало заднего вида.

– У нас все получится, Бриони, – провозглашает она.

Пустынная бетонная дорожка между «Текстами» и туристическим агентством «Веселые каникулы» ведет прямо к тем книгам, которые находятся в ее ведении, по крайней мере, их видно сквозь стекло витрины. «Современная проза» и «Классика» звучат не слишком пугающе, поскольку «Жанровой литературой» заведует Джейк, однако прошлой ночью она никак не могла заснуть, обдумывая рекламный плакат для своего стеллажа. Все ее заманухи как дохлые мухи, не может отделаться от мысли она, а ведь ей еще предстоит каким-то образом прокламировать Броуди Оутса, первого писателя, который собирается навестить их магазин. Вероятно, все ее сомнения отражаются на лице, потому что Уилф за прилавком, похоже, не знает, как ее приветствовать.

– Не беспокойся, Уилф, – говорит она, думая, что у него тоже вполне могут найтись причины для беспокойства, и направляется в сторону помещений для персонала.

Дверь, ведущая на безликую бетонную лестницу, отворяется перед ней, стоит лишь показать прямоугольной пластине в стене электронный пропуск. Дальше туалетов, расположенных друг против друга, еще один лестничный пролет ведет вверх к двери комнаты для персонала, и той все равно, кого впускать. Хотя Джил пришла на пять минут раньше, остальные работники ее смены уже сидят за накрытым клеенкой столом в лишенной окон комнате со стенами блекло-зеленого цвета. Джил берет свою электронную карточку из кармашка «Уход», проводит через прорезь под часами и кладет в кармашек «Приход». Конни растягивает розовые губы в широкой белозубой улыбке, вполне достойной рекламировать зубную пасту, когда Джил усаживается с остальными.

– Фу! – произносит Конни, морща курносый носик от скрежета стула по линолеуму. – Некуда торопиться, Джил. Ты ведь еще не опоздала.

Ангус хочет вручить Джил листок с «Пожеланиями Вуди», но убирает руку, потому что его опережает Конни. На мгновение августовский загар, который понемногу сходит с его вытянутого лица, делается совсем уж пятнистым. Если суммы выручки за выходные у них самые лучшие по сети, то теперь Вуди желает увеличить продажи и в будни.

– Если у кого имеются идеи, прикалывайте их на доску, – говорит Конни, раздавая всем распечатанные листы с заданиями на смену. – Гэвин, хватит так ужасно зевать, ты занимаешься полками. Росс, сможешь снабдить защитой все, что превышает двадцать фунтов? Это о цене, а не о весе, хотя, может, имеется в виду и то, и другое. Аньес, будешь выдавать информацию у информационного терминала. Джил, ты до одиннадцати на кассе.

Джил отвечает на последнюю фразу улыбкой, отчего чувствует себя подлизой, и направляется вслед за сослуживцами к лестнице, когда Конни спрашивает:

– Тебя не осенила идея насчет Броуди Оутса?

– Я еще не дочитала его книгу.

– Нужно как можно быстрее оформить витрину. Что, вообще никаких соображений? Джил кажется, что она снова лежит без сна.

– Наверное, – умудряется она выдать из себя мысль, – нам бы надо раздобыть его фото.

– Точно, надо показать, как он выглядит. Я прямо сейчас позвоню издателю, а ты думай дальше.

Джил могла бы съязвить, что она и не прекращала, особенно с тех пор, как у нее появилась Бриони, но подозревает, что было бы много чести для Броуди Оутса включить его в список своих тревог, не отпускающих ее даже за прилавком. Она торопливо спускается по ступенькам, надеясь, что ей хватит времени вспомнить все разнообразные операции, каких требует работа с кассой, но Агнес уже высматривает того, кто поможет ей разгрузить очередь. Джил вбивает свой идентификационный номер в кассовый аппарат номер два и растирает неловкие озябшие руки.

– Пожалуйста, кто следующий?

Тоненькая беременная девушка в плаще до самых пяток хочет купить шесть романов и расплатиться за них своей «Визой». Коды с книжек сканируются, касса принимает карту, и Джил помнит, что необходимо поводить каждой книжкой над пластиной, чтобы размагнитить защитные бирки, которые кто-нибудь из менеджеров мог тайно и выборочно поставить на них. Джил отделяет от стопки под кассой один пластиковый пакет с надписью «Тексты», который шуршит под пальцами, укладывает в него книги, не забывая улыбнуться и произнести: «Приятного чтения», когда передает пакет покупательнице. В ответ на ее: «Пожалуйста, кто следующий?» – появляется крупный мужчина в маленькой шляпе из того же колючего твида, что и его костюм. Он предъявляет Джил одну, зато толстенную книгу, посвященную истребителям-штурмовикам, а вслед за ней чек, который надлежит скормить кассовому аппарату, чтобы тот напечатал на задней стороне все подробности транзакции. Кассовый аппарат бурчит что-то, а Джил беззвучно умоляет его, чтобы не зажевал чек. Наконец касса высовывает бумажный язык, и Джил остается лишь сличить подписи – они не вполне одинаковые, но очень похожие, – прежде чем написать номер гарантийного талона под тем, что напечатала касса. Эта книга поместится только в самый большой пакет, и Джил едва успевает совладать и с тем и с другим, как к прилавку подходит молодая мама, одной рукой она пытается удержать при себе маленькую девочку, другой выкладывает на прилавок стопку книг, заодно с подарочным сертификатом от «Текстов» на половину стоимости покупки и с карточкой. Она вскользь комментирует для дочки все действия Джил, пока кассовый аппарат гудит все опаснее, словно потревоженное насекомое.

– Вот смотри, касса завтракает, и девушка-продавец должна отдать ей бумажку Патрисии, которая называется сертификатом. А теперь, смотри, продавец перепечатывает весь длинный-предлинный номер мамочки с ее карты...

И едва ли процесс упрощается, когда она несколько раз объясняет девочке, что вовсе не говорила с Джил про овец.

– Читайте с удовольствием и приходите к нам еще, – произносит наконец-то Джил, пользуясь моментом, чтобы потрепать Патрисию под подбородком; то есть она пытается, но малышка отступает назад.

– Спасибо, – произносит молодая женщина торопливо и выносит обе свои ноши из магазина.

Когда Джил позволяет себе негромкий, но выразительный вздох, плохо выбритый мужчина в измятом спортивном костюме розовато-лилового цвета выкладывает перед ней на прилавок видеокассету «Поющие под дождем».

– Вот, купил маме. Не годится.

Джил радостно сообщила бы, что это один из самых любимых ее фильмов, но тогда он может подумать, уж не критикует ли она его вкусы или вкусы его мамы.

– Неужели ей не понравилось?

– А там нечему нравиться. Просто какие-то болваны, ничего не разглядеть, невозможно понять, кто они такие и что у них там происходит.

Судя по описанию, тот, кто продал ему кассету, положил ее на размагничивающую пластину. Джил раскрывает коробку и рассматривает чек под его бормотанье: «А у нее ведь был день рождения и все такое», но даже это не способно расстроить еще сильнее: подпись и идентификационный номер на чеке принадлежат ей. Однако хуже всего то, что она совершенно не помнит этого типа. Она берется за ближайший телефон предательски вспотевшей рукой и нажимает кнопку «Открытая линия», а затем «Вызов».

– Кого-нибудь из менеджеров ожидают на кассе, – признается она многократно усиленным голосом. – Менеджер, подойдите, пожалуйста, к кассе.

Ей не нравится, как звучит голос в колонках, которые в полной мере передают ее манчестерский говор, словно тот голос, что она слышит у себя в голове, больше похож на шикарный костюм, не вполне ей доступный, или же наоборот, на платье с дырами, которых сама она не замечает. Неожиданно быстро для нее из двери, ведущей в комнату для персонала и кабинеты, выходит Вуди. Он теребит вставший торчком вихор в остальном приглаженных, похожих на дерн волос, словно там скрывается переключатель, одновременно поднимающий и черные брови, и уголки рта.

– Привет, Джил. Что случилось?

– Этот джентльмен хочет вернуть некачественную кассету.

– Без проблем, сэр. У нас есть ваш чек? Вы бы хотели обменять кассету или получить деньги обратно?

– Дайте нам другую кассету.

– Вы пока выбирайте, что вам нравится, а мы как раз подготовим все документы на возврат, – предлагает Вуди и позволяет бровям опуститься на место, пока изучает чек, после чего разворачивается к Джил. На его лице читается скорее снисходительность, чем укоризна, однако щеки немного порозовели, а на широком лбу залегла новая морщинка. – Ты уже заполнила заявление на возврат? – спрашивает он вслух.

– Сейчас сделаю.

Джил отделяет один бланк от хлипкой стопки под прилавком и вписывает свой грех в соответствующую графу. Пока она перечисляет подробности, покупатель возвращается и с некоторым вызовом выкладывает перед ней кассету «Секс Востока и его тайны». Она с трудом удерживается от вопроса, точно ли это понравится его матушке, но тут он сам поясняет:

– А я ей уже купил вместо фильма бутербродницу.

– Будьте добры, впишите сюда свою фамилию, адрес и телефон.

Он хмурится, как будто это уже чересчур, впрочем, кажется, так и есть. Когда он дописывает последнюю цифру фирменной ручкой «Текстов», Джил нажимает клавишу возврата денег, подставляет под сканер испорченную кассету и оформляет новую продажу, и все это выматывает ее настолько, что она даже запоздало улыбается Вуди. В итоге ей удается произвести:

– Вам необходимо доплатить пять фунтов.

– Кажется, вы могли бы просто дать мне эту кассету взамен испорченной.

Отвечать на это она предоставляет Вуди.

– Мы можем учесть только всю уплаченную вами ранее сумму, сэр.

Покупатель переводит хмурый взгляд на Джил, потом хмыкает, протягивая ей свою «Визу».

– Ладно, тогда суйте это себе в щель, дорогуша.

За этими словами следует взрыв смеха, и он явно ждет, что остальные присоединятся к нему. Джил кажется, что одного молчания Вуди недостаточно в ответ на подобную шуточку, и,

судя по лицу Агнес, она того же мнения. Джил быстро проводит карту через магнитный считыватель, желая избавиться от этого хама, однако касса отказывается воспринимать информацию, даже когда она прогоняет карту во второй раз, уже медленнее. Джил приходится вручную вводить номер и срок действия, пока клиент стоит, барабанив пальцами по коробке с кассетой.

– Она новенькая? – с насмешкой интересуется он.

– Мы открылись только перед Хеллоуином, – сообщает ему Вуди. – Но мы быстро учимся.

Джил возвращает карту, сличив подпись с той, что покупатель оставил на бумаге. Она складывает в пакет кассету, заполненный бланк и протягивает ему, изо всех сил стараясь не коснуться пальцев покупателя – этот жест вызывает у него новый приступ смеха. Лицо ее пылает от сдержанного гнева, когда она произносит ему вслед:

– Приятного просмотра.

Вуди издает горлом какой-то звук, не то чтобы кашляет, а как будто пытается избавиться от чего-то, застрявшего там.

– Будем надеяться, что больше никто не принесет кассет в таком виде, – бормочет он, подписывая квитанцию возврата, – иначе ответственному придется платить.

– Надеюсь, все-таки не придется, – отзывается Джил, краснея еще больше.

– Ну что ж, господа, продолжайте, – произносит он с тем английским выговором, который, должно быть, услышал в каком-нибудь старом кино, и направляется наверх.

Агнес бочком скользит вдоль прилавка со стороны информационного терминала.

– Повезло, что Лорейн не видела, с чем тебе пришлось иметь дело, – голос ее чуть громче шепота, она заправляет за ухо длинные черные локоны, отчего становится видно выступающую скулу и часть бледной впалой щеки, пошедевшей пятнами от негодования, – или, наоборот, жаль, что не видела.

– Я умею справляться с мужиками, Аньес. У меня достаточно опыта. – Джил хочет сказать, что ей вовсе не требовалась помощь воинственной Лорейн: за несколько лет работы в библиотеке ей частенько доводилось разбираться с Кеном, от того еще сильно пахло мылом, походил он на врача из тех, что так и норовят раздеть пациентку, и приходилось объяснять ему, что значит «нет», каждый раз, когда Кен заставлял ее в одиночестве. Но, возможно, ее слова прозвучали так, словно она упрекает в отсутствии опыта Агнес. Потому Джил тут же добавляет: – Уверена, у тебя тоже, – но подозревает, что, возможно, преувеличивает сходство ситуаций. Больше она не находит что сказать, остается только слушать, как крошечный оркестр над головой исполняет Вивальди, пока Агнес не возвращается к своему терминалу.

Очередь подошла к концу. Больше никакие покупатели не отвлекают Джил от мрачных размышлений о том, как сделать рекламу Броуди Оутсу. Она глядит через проход в «Психологии» на совершенно бесполезную для нее пеструю россыпь «Текстов-крошек», когда с потолка звучит голос:

– Джил, пожалуйста, к четвертому телефону. Джил, к четвертому телефону.

Ей кажется, будто Конни застучала ее слоняющейся без дела. Однако, когда она берет трубку, Конни произносит:

– Ты не против пойти на ланч прямо сейчас? Уилфу непременно нужно в двенадцать, а Росс обедает в час.

Еще только одиннадцать, а смена Джил до шести вечера. По крайней мере, пораньше получится дочитать роман Броуди Оутса, и тогда наверняка появятся идеи. Она спешит отметить под часами начало своего перерыва и открыть книгу, пока в микроволновке под приглушенное металлическое позвякивание вертится, разогреваясь, ее коробка со вчерашним овощным чили. Обложка книги пуста, на ней только имя автора да название «Переобуываясь на ходу», написанное разными шрифтами, никаких фотографий, лишь на задней обложке указано, что это «первая публикация автора». Не успев дочитать первый абзац последней главы, Джил оборачивается, чтобы узнать, кто заглядывает ей через плечо, но, конечно же, это кон-

диционер дышит холодом в шею и даже пытается перевернуть страницу. Она ест прямо из картонной коробки, тыкая вилкой наугад, пока читает. Если подобный финал книги должен восприниматься как шутка, то до какой степени и над кем? Когда мужчина, оставшись в комнате один, снимает все свои костюмы, оказывается, он и был всеми персонажами: детективом Викторианской эпохи, который выслеживает похитителя драгоценностей, оказавшегося им самим, переодетым в женщину; сержантом Первой мировой, выдававшим себя за собственную дочь; загадочной певицей из берлинского ночного клуба, ее ребенком и гермафродитом; частным детективом из шестидесятых, который не может решить, какого он пола, и обнаруживает, что все вышеперечисленные – его родственники, приняв галлюциногены и доверительно побеседовав со своими генами где-то в середине книги, сюжет которой начинает идти в обратную сторону... Джил цепляет на вилку самый лучший кусочек, оставленный напоследок, но это оказывается обрывок фольги, покрытый соусом. Она сплевывает его в бумажное полотенце и выбрасывает в мусорную корзину с ножной педалью, после чего снова сосредотачивается на книге.

Название успеваешь лишиться всякого смысла к тому моменту, когда у нее за спиной некто облизывает громадные губы. Но кто бы ни решил воспользоваться связью, в последний момент он передумывает, поэтому динамик молчит. Наверняка из названия книги можно выжать что-то для рекламы, ну хотя бы аббревиатуру? «Вам покажется, что автор переобулся, но это не так», «Автор переобулся? Судите сами...», «Неужели БО написал „Переобуываясь“? Купите и узнаете...» Хватает мгновения, чтобы понять, насколько плохи все эти идеи, но буквы словно застряли в голове: не настоящее слово, а какой-то обрубок, неизвестно из какого языка. Они пульсируют в мозгу в ритме барабана или начинающейся головной боли. Переобуываясь, Переобуываясь, Переобуываясь... Она радуется, когда от мыслей ее отрывает появление Уилфа, вот только он торчит в дверном проеме, словно дожидается указаний, отчего-то уверенный, что их должна дать она. Над внимательными серыми глазами и длинным носом с закругленным кончиком появляется лишняя морщинка, а затем он растирает широкое, но не лишенное привлекательности лицо.

– Значит, – начинает он, – э...

– Чем могу помочь, Уилф?

– Как думаешь, можно мне уже перекусить?

Джил приходится взглянуть на свои часы и понять, что он имеет в виду. Как это она умудрилась провести наверху целый час? Ведь даже кофе не выпила, который, может, помог бы прочистить мозги.

– Ой, извини, конечно, твоя очередь, – охает она, вскакивая с места и направляясь к лестнице так поспешно, что едва не забывает отметить окончание перерыва. По крайней мере, это доказывает, что она с головой погружается в работу, говорит Джил себе. По крайней мере, она отдает магазину все, на что способна. Наверняка никто не посмеет требовать от нее большего.

Глава третья

Мэделин

– Посмотри на все эти книжки. Как Дэн думает, сколько здесь книжек? Много?

– Нога.

– Не «нога», Дэн, много. У книжек нет ног. Почти все они на полках. Вот это называется полками. В магазине книжки стоят на полках. А у Дэна дома есть полки?

Неужели папаша сам этого не знает? Должно быть, считает, с малышами можно нести любую чушь. Он со своим сыном в секции «Текстов-крошек» и говорит так громко, что заглушает музыку в колонках, даже Мэд знает, что сейчас играет Гендель. Она в соседней секции, в «Текстах-ходунках», где некоторые книги действительно ушли не на свои места, потому что слишком тонкие, а одна книжка из «Текстов для подростков» разлеглась на верхней полке стеллажа с адаптированными сказками. Иногда Мэделин кажется, что в названиях ее секций на букву Т должно быть слово «Тягомотина».

– Волки! – выкрикивает Дэн и смеется почти так же громко.

– Полки, Дэн. Что, найдем для Дэна хорошую книжку? Какая Дэну нравится?

– Вот эти, – отвечает Дэн, выходя из секции и топая по прямой. – Хорошие.

Мэделин едва не фыркает вслух, потому что малыш направился в отдел с эротикой. Росс в «Психологии» перехватывает ее взгляд, но вроде бы сомневается, можно ли улыбнуться вместе с ней, хотя они же договорились оставаться друзьями. Когда она в ответ подмигивает ему, он быстро отворачивается, так и не улыбнувшись толком. Он стоит рядом с ребенком, который уже снял с нижней полки «Дисциплину чувственности», пока не подходит папаша и не выхватывает у него книгу.

– Это плохая книжка, – говорит он, шлепнув ею по эротическим альбомам на верхней полке, и впивается взглядом в Росса, к которому уже приближается Мэд. – Совсем плохая.

Ей тут же кажется, что он почувствовал между ними с Россом некую связь, но им совершенно не о чем жалеть. И они не допустят, чтобы на работе между ними возникали какие-то моменты неловкости. Она уже забывает, каким осязаемым и шелковистым был Росс внутри нее, и каким гелем для душа отдавал на вкус его пенис, она даже почти забыла, как выглядят его загорелое лицо и светлые волосы с близкого расстояния. Она улыбается ему без всякой задней мысли и продолжает складывать книги в тележку, надеясь, что томов, оказавшихся не на своих местах, будет в ней не больше, чем обычно. Отец Дэна, громко комментируя свои действия, выбирает книжку с односложными словами и удаляется вместе с сыном, вышагивая в ритме Генделя, а Мэд закатывает тележку в «Тексты-крошки» и невольно ахает, хотя надо бы выругаться. Полдюжины полок выглядят куда хуже, чем было даже до начала уборки.

Росс, заглядывая через стеллаж, раскрывает рот, и на нее веет знакомым ароматом мятной зубной пасты.

– Какая жалость, – бормочет он, оглядывая беспорядок на полках. – А я даже не заметил, как он это сделал. Я бы никогда не позволил такое своему ребенку.

– Ты никогда не упоминал, что у тебя есть дети.

– У меня их нет. Ты же знаешь, я предохраняюсь. – Загар на его лице, кажется, бледнеет от воспоминаний, когда он прибавляет: – Я хотел сказать, если бы у меня был ребенок.

– Росс, я тебя поняла. – Если бы они до сих пор были вместе, он бы догадался, что она просто подтрунивает над ним, ну а пока даже непонятно, сколько еще тем лучше не затрагивать. – Мне надо работать. А то я до сих пор книги сверху не привезла.

Она надеется, что не успела заразиться от папаша Дэна пристрастием к коротким словам. Как только Росс возвращается к своим стеллажам, она заново прибирается на полках, прежде

чем загрузить книги в тележку в алфавитном порядке и отправить их на те места, где они должны стоять. Она сейчас набрала свой максимальный темп, и ей особенно нравится такое состояние. Однако когда она открывает своим электронным пропуском вход в бетонное фойе, где находится зона доставки товаров, ее движение тормозит лифт.

Неужели это самый неторопливый объект во всем здании? Приходится дважды ткнуть в кнопку, чтобы услышать за металлическими дверцами гул спускающейся кабины. Дверцы дергаются под аккомпанемент женского голоса, который интонациями напоминает Мэд секретаршу: «Лифт открывается». Две тележки устроили гонки в кабине лифта, серой, словно сгусток тумана, однако еще осталось место для Мэд с ее транспортом. Она жмет кнопку «Вверх», чтобы услышать: «Лифт закрывается».

– Ну, поехали уже, хороший лифт!

Мэд легко представляет себе, как тот дожидается завершения ее фразы, прежде чем задрожать дверцами и затем неспешно сомкнуть их. Пока он, содрогаясь, движется вверх, тележки подпихивают друг друга, издавая звяканье, словно начинающий барабанщик осваивает перкуссию. «Лифт открывается», – сообщает голос, когда кабина останавливается в верхней точке шахты. Дверцы разъезжаются в стороны, но, кажется, только потому, что Мэд сверлит их тяжелым взглядом. Отчаяние вынуждает ее ринуться в образовавшийся просвет, как только он становится достаточно широким, отчаяние заставляет громко стучать каблуками, когда она подходит к полкам со своими книгами. Когда смена только начиналась, тут было всего на час работы, но теперь полки набиты битком.

Они не опустеют, если топтать на них каблуками, и если сверлить тяжелым взглядом – тоже. Новые книги поступают каждый день. Мэд так быстро загружает тележку, что не сразу понимает, отчего вдруг ее охватывает дрожь. Наверное, снова кондиционер выкидывает штучки – или нет, или это кто-то у нее за спиной. Она оборачивается и видит Вуди, который наблюдает за ней из двери комнаты для персонала на другой стороне прохода между металлическими полками. Должно быть, распахнувшаяся дверь породила сквозняк, такой же беззвучный, как сам Вуди. Он теребит вставший торчком вихор в остальном приглаженных, похожих на дерн волос, словно в нем скрыт переключатель, одновременно поднимающий и черные брови, и уголки рта.

– Зашиваешься? – окликает он.

«Только если резинка на трусах порвется». Вуди явно не входит в число тех, кому она могла бы так ответить.

– Пока еще нет, – говорит Мэд вслух.

Он вышагивает мимо сетчатых полок с надписью «Возвращенные и поврежденные» и кивает на ее полки, не сводя с них глаз. В его взгляде читается скорее снисходительность, чем укоризна, однако вытянутые щеки порозовели, а на широком лбу залегла лишняя морщинка.

– Потребители не могут купить то, чего не видят. Здесь ничто не должно задерживаться дольше суток.

– У меня только это. – Мэд выуживает книги, которые после сегодняшней доставки оказались где-то в глубине полки. Она стоит спиной к Вуди, пока он произносит:

– Если поймешь, что тебе нужна помощь, скажи менеджеру смены.

Ей бы не понадобилась никакая помощь, если бы кое-кто прибрался в ее секции вчера вечером, когда ее не было. Она не считает нужным ябедничать на коллег – сама в состоянии разобраться с виновником. Вуди оставляет ее разгружать полки, но ей все равно кажется, что он наблюдает за ней. Она невольно смеется над собой, хотя и несколько нервно, когда, обернувшись, убеждается, что находится в хранилище одна. Мэд ускоряется еще больше, хотя книги так громыхают по тележке, что она точно не услышала бы, если бы кто-нибудь подошел. Наконец можно закатить книги в лифт, после чего она нажимает кнопку «Вниз», а сама выскаки-

вает обратно. Мысль, что она снова окажется в плену у этого ящика, ползущего с улиточной скоростью, невыносима.

Внизу она забирает свою тележку, широко распахивает дверь в торговый зал и стремительно закатывает туда свои книги, пока не прошли тридцать секунд и не сработала сигнализация. К тому времени, когда металлический локоть доводчика подталкивает дверь, запирая ее, Мэд уже в отделе для подростков, где предстоит передвинуть горы книг, чтобы освободить место для новых. Она никак не может отделаться от ощущения, что за ней наблюдают, хотя Росс вообще не смотрит в ее сторону – он сейчас занят на кассе, а Лорейн стоит за информационным терминалом. Вуди может наблюдать за ней по монитору в своем кабинете, если пожелает: в таком случае ему придется созерцать в основном ее полки и наполовину разгруженную тележку до шести вечера, когда начинается ее перерыв на ужин.

Мэд подгоняет тележку к дверям в зону доставки (тележки запрещено оставлять без присмотра в торговом зале, чтобы дети не играли с ними и не поранили ни себя, ни других и «Тексты» бы не засудили, как это случилось с магазином на Кейп-Коде) и рысью бежит наверх. Наполняет свою желтую кружку с надписью «Тексты» из кофемашины цвета слоновой кости и усаживается с готовой едой из супермаркета «Фруго». Салат с соей и креветками – звучало вкусно, но на зубах что-то хрустит, как будто на пикнике еду уронили на землю. Впрочем, выбора нет – она ест содержимое пластиковой коробочки, подбирая из книг вопросы для своей первой детской викторины. Когда под конец ее перерыва приходит Джил, Мэд спрашивает ее, не слишком ли сложные получились вопросы.

– Бриони ответит на большинство из них, – не без гордости сообщает Джил.

– Так приводи ее. Она может победить.

– Но у нее в этот день встреча с отцом. – На круглом лице Джил, хотя ей уже тридцать, слишком уж откровенно отражаются все чувства, вот и морщинки в углах глаз выглядят сейчас так, словно их оставила вовсе не улыбка. Она проводит рукой по совершенно рыжим волосам, которые способна обуздать только очень короткая стрижка.

– Но я спрошу, чего ей больше хочется, – обещает она.

Мэд упоминает, что они с Россом теперь просто друзья, и это слышит почти вся смена Джил. Гэвин зевает, жмуря глаза с тяжелыми веками, и растирает лицо, оттягивая щеки от острого, шмыгающего носа к заостренному подбородку с редкой щетиной. Агнес смотрит неуверенно, не зная, то ли выразить сожаление, то ли подбодрить Мэд, а может, и то и другое. Все притворяются, что вовсе не думают о Росссе, когда он прибегает наверх. Лорейн появляется вслед за ним и нарушает неловкое молчание.

– Мэделин, можно я выложу твои книги из тележки?

Она говорит так, словно вот-вот разразится сдавленным смехом. Мэд часто кажется, что подобная манера, как и смех Лорейн, сравнимый со ржаньем лошадей – Лорейн увлекается верховой ездой, – призвана замаскировать говор, который она мечтает сделать каким угодно, лишь бы не манчестерским, а ее интонации кажутся натужными, потому что блестящие от розовой помады губы меньше, чем необходимо для такого лица. Лорейн приподнимает левую бровь знаком вопроса, выложенным золотистыми волосками, и Мэд встает с места, доедая остатки своего салата и выбрасывая коробку в мусорное ведро с ножной педалью.

– Я же работаю, Лорейн. И как раз сейчас возвращаюсь разгружать тележку.

– Но у тебя же еще перерыв не закончился. Ты же не хочешь сказать, что все остальные тоже должны встать и пойти.

– Нет, не хочу, но мне еще надо навести порядок на полках.

– Так скажи менеджеру, что тебе требуется больше времени.

Мэд моет свою кружку в раковине, где висится гора таких же кружек, а еще тарелок и столовых приборов. Вытирает кружку полотенцем с надписью «Тексты» и ставит ее в шкафчик над раковиной, после чего разворачивается, замечая, что Лорейн по-прежнему смотрит на нее.

– Мне вовсе не нужно больше времени, – отвечает Мэд, – просто кое-кто должен был все прибрать вчера вечером, и во все предыдущие вечера, когда меня тоже не было здесь.

Лорейн закатывает глаза, словно молится про себя или же пытается разглядеть собственные брови, и этот жест заставляет Мэд спросить:

– А кто работал вчера вечером? Случайно не ты, Лорейн?

Лорейн в ответ лишь широко раскрывает глаза, но больше никак не реагирует, пока Гэвин не произносит:

– Точно-точно, это же была ты, Лорейн.

– Возможно. – Она сверкает на него глазами. – Напомни-ка нам всем, какое отношение это имеет к тебе, Гэвин.

Он в ответ зевает. Вслух отвечает Росс:

– Но разве не ты уверяла, что работники должны поддерживать друг друга, Лорейн?

– Как это мило с моей стороны, – отзывается Лорейн, глядя пустым взглядом, и движется к двери. – Если мальчики решили выступить единым фронтом, думаю, девушкам лучше оставить их одних.

Похоже, никто не торопится за ней следом, а Мэд выбирает путь через хранилище. Она никогда еще не катила тележку с такой скоростью, как сейчас, когда она въезжает в торговый зал и направляется к нише с литературой для подростков, но тут же застывает на месте, словно кто-то схватил ее сзади за шею. Пока она ходила на ужин, с полдюжины книжек на нижних полках – нет, даже больше, кто-то развернул корешками внутрь.

Неужели кто-то так развлекается, добавляя ей работы? Она проходит вдоль ниш в поисках виновного, но нигде никого нет. Когда она возвращается тем же путем, замедлив шаг на случай, если попадутся еще книги не на своих местах, из-за информационного терминала выглядывает Рей. Его жизнерадостная розовошекая физиономия сейчас приобрела покровительственное выражение, какое появляется у него каждый раз, стоит ему провести собрание их смены.

– Что-нибудь потеряла? – интересуется он.

– Собственную голову, если и дальше придется это терпеть.

Он проводит рукой по копне рыжеватых волос длиной до плеч, взлохмачивая их еще сильнее.

– Что нам какие-то мелочи, когда мы играем за лигу, Мэд?

Она знает, что вся его семья помешана на футболе, однако в данный момент сравнение не кажется ей уместным.

– Посмотри, что тут натворили, пока я была наверху.

Он следует за ней в секцию для подростков и смотрит туда, куда она показывает. Закончив наконец кривить губы, он произносит:

– Н-да, но я никого не видел. А ты, Лорейн? Ты же была здесь до меня.

Лорейн прохаживается между стеллажами. Не прибавляя шага, подходит к секции Мэд. После паузы, которая требуется, чтобы удивленно поднять брови, не выпучивая при этом глаза, она говорит:

– Здесь никого не было.

– Не исключай при этом себя, – говорит Мэд.

– Я не стала бы трогать твои книги, – произносит Лорейн таким тоном, словно эти книги, или Мэд, или и то и другое, ниже ее достоинства.

– Точно так же, как ты не трогала их вчера вечером?

– Дамы, дамы, – увещевает Рей. – Давайте уже научимся ладить друг с другом. Мы же не хотим, чтобы кто-то подумал, будто манчестерцы не в состоянии дуть в одну дуду?

Несомненно, он представляет себе дудку футбольного болельщика. Лорейн на миг хмурится, показывая, как сильно она не желает хоть как-то ассоциироваться с этой игрой и с самим

Манчестером, и это веселит Мэд, и развеселило бы еще больше, если бы не пришлось задать вопрос:

– Так ты, значит, была в моей секции?

– Я, как тебе известно, искала свободную тележку. Ты, кстати, еще не освободила ее?

– А ты попробуй заглянуть в лифт.

– Значит, все уладилось? – выражает надежду Рей. – Мне кажется, ты просто не заметила, что эти книги еще раньше так стояли, Мэд. Но ведь переставить их – дело нескольких секунд, правда?

Уходит довольно много секунд, в основном потому, что эти книги, как выясняется, взяты с другого стеллажа. Еще не успев расставить все по местам, Мэд чувствует, что пальцы стали какими-то грязными, хотя непонятно почему. Лорейн удалилась в сторону лифта, но Рей помогает переставить последнюю из заблудившихся книг.

– Ты займись полками, чтобы они были в идеальном порядке, – советует он. – Уверен, что именно этого босс и захочет.

Она в большей мере оценила бы совет, если бы из-за него ее не охватило чувство обреченности: книги, не попавшие на ее полки, будут все копиться и копиться. Она разбирает содержимое тележки по алфавиту и выгружает перед теми полками, для которых предназначены книги, затем возвращает тележку в фойе и бросает вызов самой себе: до закрытия магазина все ее книги окажутся ровно там, где должны быть. Этим вечером покупателей так мало, что уже скоро все остальные тоже занимаются своими полками – Рей, Лорейн, массивный бородач Грэг, – и она больше не ощущает себя изгоем, в особенности после того, как Вуди уходит домой. Не проходит и полутора часов, как она отправляет тележку наверх, вызволяет ее из лифта, а потом быстро закатывает обратно, загруженную горой оставшихся книг.

Мэд пританцовывает, переминаясь с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть в фойе зоны доставки, когда слышит из-за металлических дверей несколько ударов. Ей невольно представляется огромная обезьяна, которая рвется из клетки, и потому слова лифта звучат предостережением. Она бы предпочла, чтобы в зоне доставки с ней был кто-нибудь еще, по крайней мере до тех пор, пока дверцы лифта не раскрываются с натугой. Должно быть, она перегрузила тележку. Несколько томов валяется на полу.

Она блокирует дверцы лифта тележкой и подхватывает упавшие книги. Кто-то недавно занес в лифт грязь. Когда она выходит оттуда, нужен носовой платок, чтобы вытереть руки, а заодно и отчистить пятно с обложки школьной истории, отметину, похожую на увеличенный отпечаток пальца с морщинами вместо капиллярных линий. Ни одна книжка все-таки не пострадала. Лифт заявляет, что закрывается, а Мэд торопливо вкатывает тележку в торговый зал и тут же принимается расставлять книги.

Она кучками выкладывает их на травянисто-зеленый ковер и подыскивает для них свободные места на полках, и это занятие поглощает Мэд на час с лишним. Если бы она задумалась, то, наверное, удивилась бы, сколько удовлетворения приносит такая работа, однако часть ее привлекательности как раз в этой бездумности – странное качество, когда дело касается книг. Главное – ответить на брошенный самой себе вызов, и Мэд остается пристроить всего кучку томов, когда Рей берется за телефонную трубку, чтобы сделать объявление по громкой связи.

– Магазин закрывается через десять минут. Пожалуйста, проходите с покупками на кассу.

Две девушки хватают каждая по роману, парочка лысых мужчин демонстративно откладывают книги, которые листали, сидя в креслах. Не успевают Конни объявить пять минут до закрытия, а Мэд с торжествующим выдохом втискивает на полку последнюю книжку. Она с готовностью помогает осмотреть магазин перед закрытием, пока Рей стоит в дверях на страже. Она чувствует абсурдность своих действий, проверяя свою секцию во второй раз, заглядывая в каждую нишу, словно надеется застукать на месте преступления кого-то, кто разорвет нижние

полки. Разумеется, никто не таится в углу и не жмет к полу. Она последней выкрикивает: «Чисто!», чувствуя себя совсем уж глупо.

Рей вводит код, запирая двери, пока Конни произносит в телефон:

– Уборка! – как будто предлагает всем угощение. Она сгружает в тележку звякающие поддоны из ящиков кассовых аппаратов, чтобы увезти их в кабинет, а Рей подходит к Мэд.

– Нужно еще что-нибудь сделать? – интересуется он.

– Только прибрать весь магазин, – с гордостью заверяет она его.

А магазин полон заблудившихся книг. Лысые мужчины в креслах изучали подборку комиксов о говорящем пенисе – их ворчание явно маскировало смех. Фильмы ужасов о гигантских насекомых каким-то образом выбрались из своих пластиковых коробок и потихоньку переползли в раздел «Наука», и у Мэд уходит какое-то время, чтобы отыскать нужные коробки. Когда очевидные беглецы препровождены обратно на места, остается еще масса книг, которую нужно убрать – вот если бы Мэд не тянуло ежесекундно поглядывать на собственные стеллажи. Она уже сбилась со счета, сколько раз поддавалась этому желанию, когда Лорейн произносит:

– Разве мы не должны уже закончить?

– Между прочим, она совершенно права, – вставляет Рей. – Уже одиннадцать.

Когда Мэд переводит взгляд на изящные золотые часики, которые родители подарили ей год назад на совершеннолетие, Грэг произносит:

– Не беда потратить несколько лишних минут, если это нужно для магазина.

– Вот что я тебе скажу, Грегори, – заявляет Лорейн, – если тебе некуда девать минуты, отдай мне.

Рей подносит свой электронный пропуск к панели у двери, ведущей в комнату для персонала. И все успевают проскочить быстрее, чем за тридцать секунд, даже Грэг. Рей отступает в сторонку, предлагая Мэд и Лорейн первыми отметить время ухода, когда Конни кричит из кабинета:

– Простите, я забыла объявить время. Похоже, компьютер не хочет, чтобы я вводила цифры.

Рей, по-видимому, удерживается от замечания, что ее работа состояла сейчас в том, чтобы отправить служащих по домам.

– Думаю, вдвоем мы с ним справимся, – отвечает он вместо этого, провожая всех остальных вниз, к выходу. – Поезжайте осторожнее, – советует он на прощанье, потому что в двух сотнях ярдов от магазина над Заболоченными Лугами стоит стена тумана.

Голый асфальт расчерчен вытянутыми прямоугольниками, которые блестят, как будто от грязи. Витрины магазинов снаружи сереют, словно лед. В воздухе зависли толстые полосы молочного цвета от лучей прожекторов. Чем дальше расположены источники света, тем сильнее они расплываются, размываясь по краям: перед «Стопкой стейков» и «Фруго» как будто целые луны привязаны к тротуару невидимыми веревочками – такая размытая луна, как вечно кажется Мэд, способна породить тучу пауков. Она, поеживаясь, торопливо огибает здание вслед за Лорейн, направляясь к стоянке для работников магазина.

Ее маленькая зеленая «мазда» побелела в свете гигантской «К» из слова ТЕКСТЫ. Из-за теней кажется, что пять машин стоят рядом или прямо на влажных заплатках, проступивших из асфальта. Лорейн запрыгивает в дожидющийся «сегун» раньше, чем Мэд успевает отпереть дверцу своей машины. Грэг останавливает свой «остин» и гудит в клаксон, словно давая разрешение коллегам на выезд. Мэд несколько секунд прогревает мотор, чтобы он не заглох. Пятно света соскальзывает со стены и, кажется, исчезает, впитываясь в бетон, – должно быть, фары удаляющейся машины Лорейн.

Проезжая мимо фасада «Текстов», Мэд замечает смазанный силуэт, движущийся между стеллажами, – наверное Рей. Явно проверяет, удалось ли им хотя бы на время восстановить порядок. Она невольно задается вопросом, надолго ли хватит подобного энтузиазма у нее

самой. Она выезжает из тумана, окутавшего торговый комплекс, и отчетливо видит искры габаритных огней, которые проносятся по скоростной трассе. Нельзя поддаваться чувству, будто она вытягивает себя и свой разум из трясины. Теперь домой, в Сент-Хеленс, в свою первую собственную, пусть маленькую, квартирку, в кроватку, которую родители купили ей перед университетом, и, если повезет, она целых девять великолепных часов сможет не думать о работе.

Глава четвертая

Найджел

Сколько сейчас времени? На двенадцать минут больше, чем было, когда Найджел смотрел в последний раз: близится к пяти утра, и нужно отключить будильник, чтобы не разбудить Лауру. Когда он тянется к часам, кажется, будто сунул голую руку в воду, в которой всю ночь намерзал лед. Едва нащупав кнопку ногтем, он прячет руку в тропическое тепло стеганого одеяла – главное, не провалиться обратно в сон. Он на дюйм сдвигается по теплому матрасу и запечатлевает легкий, но долгий поцелуй на плече Лауры, обнаженном, как и вся она. Он уже отодвигается, когда она сонно протестует, бормоча что-то среднее между «да» и «добрутро» и протягивает руку за спину, чтобы сжать его пенис.

Прикосновение ее руки – словно воплощенное тепло постели. Напряжение мгновенно спадает, и ему страшно хочется разбудить ее поцелуями, медленно-медленно, насколько хватит терпения. С этими его сменами в «Текстах» и ее – в больнице, где, как ему иногда кажется, она с чрезмерной готовностью подменяет коллег с маленькими детьми, они с Лаурой так редко встречаются в те моменты, когда оба еще не падают от усталости. Но ей необходимо поспать, и если сейчас он поддастся соблазну, все затянется. Нельзя допустить, чтобы его работники ждали под дверью, пока он впустит их в магазин. Он мягко отодвигает пальцы Лауры, притягивает к себе, чтобы поцеловать, а затем выбирается из-под одеяла и тихонько выходит из комнаты.

Даже ковер холодный, словно снег. Неудивительно, что пенис пытается по-улиточьи спрятать голову. Найджел как можно быстрее, не издавая при этом лишнего шума, сбегает по лестнице в отделанную под красное дерево кухню, чтобы прибавить градусов в системе отопления. Пока он заходит в туалет и принимает душ, расположенный за кухней, надевает одежду, приготовленную внизу с вечера, леденящий холод понемногу вытесняется из дома. Он на цыпочках поднимается обратно по лестнице, чтобы запечатлеть на лбу Лауры утренний поцелуй.

– Жай сторожнее, – бормочет она. – До вечера.

Когда она снова проваливается в сон, он тихой мышкой выскользывает из дома.

Молочная пелена заглушает разносящийся по деревне грохот, пока он снимает засов с ворот в конце подъездной дорожки и отпирает гараж на две машины. Хотя Западный Дерби уже почти век считается окраиной Ливерпуля, здесь достаточно тихо, чтобы называть это место деревней. Он задним ходом выгоняет свою «примеру», проезжая мимо «микры» Лауры, закрывает гараж и ворота. Молочная пелена ползет теперь вверх по боковой улице, в центре деревни пусто. Изморозь поблескивает на единственном окне симпатичного маленького домика рядом с каменным крестом. То ли лисица, то ли кошка стремительно скрывается из виду за церковью, где растянулся на милю, до самого поместья Крокстет-Холл, парк. Три минуты на пределе разрешенной скорости, и Найджел на четырехрядной магистрали Квинс-драйв, а меньше чем через десять – на скоростной трассе.

Почти полчаса конусы света от его фар – единственные в этом пространстве. Дорожные знаки, похожие на обещание голубого неба: Сент-Хеленс, Ньютон-ле-Уиллоуз, Уоррингтон, – взмывают, а затем показывают в зеркале свои темные спины. Знак с надписью «Заболоченные Луга» кажется бледнее своих сотоварищей, издали он выглядит так, словно побелел от плесени. Но он приобретает привычный цвет, когда туман скатывается по съезду со скоростной трассы, чтобы повиснуть над территорией торгового комплекса. Найджел проезжает под прожекторами «Стопки стейков» и «Фруго», в свете которых ключьями клубится туман, и оста-

наливается у закуской. Он голоден, вот и все. И дело вовсе не в том, что ему не хочется подниматься в книжный магазин в одиночестве.

Закусочная внутри яркая, словно детский сад: столы и стулья красные, чашки и тарелки оранжевые, работники в желтой униформе. Только глаза у всех мутные в этот ранний час, а длинные волосы блондинки за прилавком кажутся потускневшими из-за тумана. Она нагружает зеленый пластмассовый поднос блюдами, которые юный шеф-повар выставляет на стойку под гигантскими фотографиями еды, а Найджел берет из корзинки у кассы столовые приборы. Он идет к столику у окна под аккомпанемент музыки, слишком тоненькой и приглушенной, чтобы разобрать мелодию.

Кроме него никто не ест. В дальнем конце зала у окна сидят двое мужчин с почти лысыми макушками, сжимая в огромных волосатых ручищах кружки, и глядят на туман, который продолжает заволакивать «Тексты» своей вуалью, превращая магазин в бледное светящееся пятно. Никто из мужчин не произносит ни звука, пока Найджел не съедает половину своей яичницы-болтуньи с тостами и беконом, и официантка подходит к нему, чтобы подлить еще кофе.

– И нам тоже, – произносит самый массивный из двоих, даже не поворачивая головы.

– Я занята здесь, – возражает официантка.

– Ну, так заканчивай с ним, красотка.

Оба издают двусмысленные смешки, и Найджел ворчливо произносит:

– Неужели это было обязательно?

Он обращается не столько к ним, сколько к официантке, однако их головы на коротких толстых шеях медленно поворачиваются.

– Тебя кто-то спрашивал? – произносит мужчина, сидящий к нему лицом.

– Прошу прощения, мне показалось, меня тоже включили в разговор.

– Ничего подобного.

Любовь к точности, довольно безрассудная сейчас, вынуждает Найджела заметить:

– Тем не менее вы продолжаете это делать.

– Тебя не касается, что мы делаем, – первый здоровяк разворачивается всем корпусом, чтобы сообщить ему это.

Найджел невольно задается вопросом, сознают ли они бессмысленность происходящего, поскольку продолжают тарачиться на него, даже когда официантка наполняет их кружки. Когда они большими глотками хлебают кофе, он понимает, что так они намекают, сколько боли могут вытерпеть. Лица их искривляются, глаза выкатываются, и они поднимаются из-за стола.

– Мы вас еще увидим, – первый здоровяк угрожает Найджелу, или персоналу закуской, или всем сразу, и его товарищ подхватывает:

– Вы нас еще увидите.

Они удаляются нарочито неторопливо, и Найджел предполагает, что так они выражают угрозу, хотя на самом деле впечатление такое, будто они спят на ходу. Он наблюдает, как они зловещими взглядами окидывают его машину, и потом направляются к входу во «Фруго», где и топчутся, пока официантка затирает шваброй их грязные следы, от прилавка до столика и от столика до выхода. Найджел доедает завтрак и понемногу прихлебывает кофе, однако к тому времени, как его кружка пустеет, к «Текстам» так никто и не подъезжает. Он отказывается от добавки – после стычки с теми двумя он раздражен и на взводе, – и выходит к своей машине. Лысые здоровяки уже какое-то время топчутся на месте, словно исполняя неуклюжий примитивный танец: топот их башмаков разносится по пустынному замкнутому пространству, между сочащимися влагой тройками деревьев и их тенями, похожими на трещины в асфальте. Найджел старается не глядеть на этих типов, пока забирается в свою «примеру».

Проходит меньше минуты, и он подъезжает к «Текстам» сзади. Клок тумана свисает со светящейся буквы К, инициала, оставленного малограмотным великаном. Когда он выходит из машины, завиток влаги вздымается под буквой и оседает, но это всего лишь подернутая

туманом тень. Найджел торопливо проходит по проулку, затянутому туманом, мимо витрины, в которой собрались самые разные книги, удравшие из пустынных проходов. Он набирает почти полностью фамилию Вуди на панели и снимает блокировку со стеклянных дверей, а введя две буквы его имени, отключает сигнализацию.

Как только Найджел оказывается внутри, его пробирает дрожь. Отопление давно не включалось, и, должно быть, туман напоз в магазин, пока двери были открыты – кажется, что ниши в детской литературе на другой стороне выглядят какими-то нечеткими. Он в нерешительности топчется у прилавка, но не может найти предлога, чтобы задержаться. Просто нелепо вести себя так, когда Лаура в скорой помощи ежедневно сталкивается с такими травмами, которые большинство не захочет даже вообразить. Может, и к лучшему, что у них с Лаурой нет детей, если такой пример он стал бы им подавать: папаша, который боится темноты. В приступе гнева он шлепает своим пропуском по пластине у двери, за которой начинается путь в комнату для персонала.

Стены коридора белее тумана, но вот клаустрофобией он никогда не страдал. Он включает свет, пока дверь захлопывается самостоятельно, а потом бежит наверх по голой бетонной лестнице. За дверью, за туалетами и шкафчиками с именами работников есть лампочка, из-за которой он особенно беспокоится, надеясь, что она будет гореть. Лампочка горит, и в какой-то тревожный миг ему кажется, что он не один в здании, но это, разумеется, Уилф не удосужился отметить свой уход – придется вручить Рею штрафной талон за смену. Найджел проводит свою карточку через прорезь под часами и кладет в кармашек «Приход» поверх карточки Уилфа, после чего входит в комнату для персонала.

От чего кому угодно станет не по себе? Уж точно не от стен цвета блеклого мха, и не от стульев с прямыми спинками, сосредоточившихся вокруг стола, за исключением одного, который навалился спинкой на его край, и не от пробковой доски с припиленными к ней распоряжениями Вуди, и не от раковины, полной невымытых тарелок, кружек и столовых приборов, от которой слабо тянет сыростью и затхлостью... Но это не та комната, где Найджел проводит большую часть своего времени и чувствует себя по меньшей мере вольготно. Он делает несколько широких шагов, чтобы распахнуть дверь кабинета.

На здешнюю лампочку тоже можно положиться. Три компьютера с приставленными к ним вращающимися креслами, проволочные корзинки, оцетинившиеся бумажками, составляют здесь компанию друг другу на столе, протянувшимся вдоль трех стен из четырех. На мониторе Конни прижилась пара бабочек на магнитах, у Рея красуется значок «Манчестер Юнайтед», и Найджел в очередной раз размышляет, что надо бы и ему подыскать эмблему, чтобы украсить свой компьютер, может, тогда он будет чувствовать себя здесь как дома. Ну вот зачем на этом сосредотачиваться? Бывал же он в помещениях без окон раньше, но никогда не боялся темноты – не боялся, что свет погаснет и он останется в окружении черноты, такой же непроницаемой, как в недрах земли. Не будет даже слабого свечения из кабинета Вуди, расположенного за стеной без стола. Все это совершенная чепуха, и, пока никого здесь нет, есть шанс доказать это самому себе. Подумать только, он же работает менеджером. Он заходит в кабинет и закрывает за собой дверь, а потом с силой шлепает по выключателю, отчего мгновенно погружается в темноту.

Он делает не так уж много неосторожных шагов, когда оступается и замирает на месте. Он всерьез собирался их пройти, говорит он себе. Всерьез собирался окружить себя темнотой, доказать, что любое ее количество ничем ему не угрожает, пусть даже он чувствует себя так, словно его затащили под землю. Темнота уже сделала все, на что способна, то есть вовсе ничего, и тут перед входом в магазин звенит звонок. Приглушенный далекий звон означает его победу, или же, если честно, освобождение. Найджел разворачивается к двери, ведущей в комнату для персонала, но с тем же успехом мог бы ослепнуть. Нет даже намека на контур двери.

Неужели там погас свет или он ошибся, думая, что развернулся к двери? Ее нигде не видно, однако нельзя поддаваться панике, просто надо двигаться вперед, пока не наткнешься на стену. Он делает неуверенный шаг и вытягивает перед собой руки. Они почти не слушаются, но левая касается пористого лба неведомого существа, скорчившегося перед ним.

Найджел испускает крик, на который тратит почти весь запас воздуха в легких. Отпрыгнув назад, он слышит, как этот предмет откатывается в темноту. Затем ударяется о скамью, громыхает мимо компьютеров, и к этому моменту становится понятно, что это такое: кресло на колесиках. До двери дальше, чем казалось, зато теперь он, по крайней мере, способен определить направление по звуку далекого дверного звонка, на который кто-то давит, не отпуская. Найджел слепо движется в ту сторону и едва не врежется в дверь, но теперь улавливает слабое свечение по ее контуру. Он хватается за ручку, которая кажется грязной и не вполне сухой, наверняка из-за вспотевшей ладони. Настежь распахнув дверь, он бежит – не удирает – вниз по лестнице.

Когда Найджел проходит через торговый зал, Гэвин снимает палец с кнопки звонка. Он продолжает приплясывать в пятне света перед стеклянными дверями, а вот Ангус рядом с ним престаёт растирать руки, явно не желая показаться нетерпеливым. Лица у обоих окутаны паром от дыхания. Не успевает Найджел отпереть двери, как Гэвин уже стоит на коврике с надписью «Читай дальше!».

– Выглядишь бодро, – произносит Найджел.

– Ага, бодр и весел, как есть. – Гэвин высоко вскидывает брови, словно желает подчеркнуть намек, которого Найджел не понимает, либо пытается поднять тяжелые веки, либо же это просто тик, от которого кожа на остром лице натягивается еще сильнее. – А ты как, Аньюс? – спрашивает он, разворачиваясь на месте. – Всю ночь продрых?

Ангус задерживается между рамками перед затоптанным призывом на коврике и растирает вытянутое пятнистое лицо с такой силой, словно пытается стереть с него остатки летнего загара.

– Он меня называет Аньюсом, – поясняет он таким тоном, словно сомневается, должно ли ему быть от этого смешно.

– Мы все это знаем, Аньюс.

У них за спиной притормаживает «пассат», за рулем которого сидит ухажер Джейка, и Джейк быстро целует его, выбираясь из машины.

– Народ я возьму на себя, пока вы все отмечаете время прихода, – произносит Найджел, бросая взгляд на расписание дежурств на прилавке. – Ангус, ты на кассе в первый час. Джейк и Гэвин, вы занимаетесь полками.

Разумеется, никакого народа нет. Никому не нужно открывать двери, только своим. Ранних посетителей могли бы привлечь газеты и журналы, но они есть во «Фруго», а супермаркет стоит при самом въезде в торговый комплекс. Найджел собирает с полки под информационным терминалом бланки вчерашних заказов покупателей, затем коротает время, выравнивая книжки в секции «Животные» в полудюйме от края полки. Когда снова появляется Ангус, Найджел направляется в сторону хранилища.

Лифт демонстрирует, как хорошо умеет выговаривать два из трех своих слов. Пока Найджел поднимается по лестнице, мимо него, приглушенно погромыхивая в своих тележках, спускаются книги. Полки с надписью «Возвращенные и поврежденные» необходимо разобрать, но прежде всего отправить по адресам заказы покупателей. Он несет бланки через комнату для персонала, по которой незаметно расплзается слабый раздражающий запах, и включает свет в кабинете. И уже готов сесть за свой компьютер, когда замечает, что дверь в смежный кабинет Вуди чуть приоткрыта.

В этом нет ничего примечательного. Вуди часто оставляет ее приоткрытой, когда сидит у себя. Найджел толкает ее, открывая шире, и бейсбольный флаг над письменным столом изгиба-

ется в сумраке, словно червяк, и расплывается по стене. В двух прямоугольниках на мониторе системы безопасности, подвешенном в дальнем углу, отображается движение: Гэвин стоит на коленях в «Музыке», и еще кто-то сидит на корточках в «Текстах для малышей». По крайней мере, у них есть посетитель, но его голова да и очертания всей этой серой фигуры слишком расплывчатые, чтобы Найджел сумел рассмотреть, кто это. Он закрывает дверь кабинета и садится за компьютер.

Большинство заказов он пересылает по электронной почте на американский склад или же его британский эквивалент в Плимуте, но вот издательства, выпускающие сборники поэзии, настолько маленькие, что приходится искать их адрес и отправлять запрос напрямую. Он уже близок к завершению работы, когда у него над головой раздается голос Гэвина.

– Найджел, набери двенадцатый номер, пожалуйста. Найджел, звякни на дюжину.

Он хватается за телефон, чтобы прервать дальнейшие упражнения в остроумии.

– Да, Гэвин.

– Тут один покупатель хочет узнать, пришел ли уже его заказ.

– Можешь поподробнее?

– Он сейчас тут поблизости.

– И зовут его...

– Фамилия Блюдс. Как ваше имя? – Пауза повисает такая, словно трубку прикрыли рукой.

– Уильям, – произносит Гэвин и повторяет, с трудом сдерживаясь: – Мистер У. Блюдс.

Это что, розыгрыш? Когда Найджел бросает взгляд на монитор Вуди, он видит мужчину, который стоит перед Гэвином у прилавка. Седые волосы, собранные в хвост, вполне могут служить продолжением мехового воротника. Найджел открывает в компьютере список покупателей, заказывавших книги. Аддамс, Блад, Браун, но ни единого Блюдса и вообще никого похожего, с кем можно его перепутать.

– Можно еще раз уточнить фамилию? – Найджел мгновенно сожалеет, что спросил.

– Он снова спрашивает ваше имя. – Еще одна пауза, в которую Найджел слушает свое дыхание, прежде чем Гэвин докладывает:

– Все так, как я сказал.

– Сейчас спущусь к вам, – произносит Найджел, чтобы не повторять больше это имя, и быстро направляется к лестнице.

Он уже рядом с информационным терминалом, когда покупатель оборачивается, взмахнув своим хвостом и обдав его запахом слежавшегося каракуля. Нижняя губа помогает верхней приподняться в улыбке, пока он потирает ямочку на подбородке, а затем протягивает ладонь, слегка пухлую, как и его рябое лицо в морщинах.

– Уилл Блюдс.

– Очень рад. Найджел, – отзывается Найджел и спешно прибавляет: – Я займусь мистером Блюдсом, Гэвин. Вы, случайно, не помните, когда заказывали книгу, мистер Блюдс?

– В тот день, когда вы открылись. Я едва ли не первый ваш покупатель.

– Рад, что вы вернулись.

– Давно пора уже повысить уровень интеллекта.

Найджел не вполне уверен, относится ли это к «Текстам» или же к самому посетителю, и сосредотачивается, чтобы спросить:

– Автора вы помните?

– Я знаю, как его зовут, если вы об этом. Боттомли.

– И, наверное, название?

Мистер Блюдс берет за виски большим и указательным пальцами, словно выжимая свою память, и жмет, пока Найджел не начинает морщиться вместо него.

– Вылетело из головы. Вот же олух, – сообщает в итоге покупатель. – Но он точно Боттомли. Звучит примерно так же, как этот ваш парень произносил мою фамилию.¹

Найджел считает за лучшее не отвечать на это и набирает фамилию автора в окне поиска по электронному каталогу. Уже скоро вываливается куча имен, а с ними и названия: «В дебрях Деламера», «Рассказы биржевого брокера», «Убийства в Манчестере и майское дерево», «Поэмы с горных пиков», «Общинные земли и каналы Чешира»...

– Может быть, вот это? – предполагает Найджел, разворачивая монитор к посетителю.

– Интересно, и как вам удалось выудить название из тупой головы? – спрашивает мистер Блюдс, вероятно, самого себя. – А вы не сможете отправить заявку еще раз?

– Отправлю, как только вернусь за свой компьютер. Я приношу извинения за то, что ваш заказ каким-то образом ускользнул от системы.

– Я не виню никого из вашего коллектива.

И все же, как только он продиктовал свой адрес в Лейтли Коммон и Найджел распечатал его квитанцию, мистер Блюдс внимательно изучает свой экземпляр, прежде чем сложить его по размеру кармана. Он теперь единственный посетитель магазина. В самом деле Найджел даже не заметил, как опустел отдел для малышей – когда он спустился, там уже никого не было. Найджел показывает стене электронный пропуск и торопится обратно к своему компьютеру.

На экране отображается заставка, которой он раньше не видел. Вроде бы несколько фигурок, исполняющих какой-то танец или какие-то другие повторяющиеся движения, – похоже, файл не прогрузился до конца, слишком уж серым и размытым выглядит это грязное изображение. Найджел касается клавиатуры, чтобы убрать заставку и найти издательство «Манчестер пресс».

Сайт загружается примерно с той же скоростью, с какой ползает в «Текстах» лифт, и открывается в виде книжного разворота. Тут указан электронный адрес и номер телефона, по которому и звонит Найджел. В конце концов глуховатые гудки в ухе сменяются невнятным голосом.

– «Манчестер» на проводе, – сообщает мужчина, хотя понять это можно по одному его слову.

– «Тексты» из торгового комплекса в Заболоченных Лугах. Могу я узнать о наличии у вас одной из книг?

– Можете все что угодно, приятель. Ну, что там.

Обескураживает не только его тон. Найджел слышит смех, ленивый, зычный и какой-то механический, может быть, даже из соседней с его собеседником комнаты.

– Автор Адриан Боттомли, – произносит он.

– Стихи или про его папашу – биржевого брокера?

– Нет, из истории Чешира. Об общинных землях и каналах.

– Этого добра у нас полно, не беспокойтесь. Книжка только что вышла из печати. Горы этой болотной фигни.

– Как быстро мы сможем получить экземпляр? Нам бы надо срочно.

– Вот кто-то обрадуется. – Непохоже, чтобы он имел в виду себя. – У нас тут какой-то магазинчик ищет книжку твоего брата, – кричит он, отстранившись от трубки, прежде чем сообщить Найджелу: – Здесь у нас книжек нет, ни одной. Придется посылать на склад.

– И долго это, как думаете?

– Наверное, к середине следующей недели справимся.

– Давайте я перешлю вам заявку по электронной почте.

¹ В фамилии автора отчетливо слышится корень *bottom*, который означает, в том числе, нижнюю часть тела, т. е. задницу (прим. пер.).

– О, у вас и почта есть. Технологии, еще больше способов напоргачить. Впрочем, валяйте, шлите.

Это хотя бы означает, что Найджелу не придется и дальше слушать нескончаемый бессмысленный хохот – его, должно быть, издает одна из таких игрушек, которые больше ничего не умеют. Он пересылает по электронной почте все подробности заказа и бросает взгляд на монитор системы безопасности, на случай, если мистер Блюдс еще не ушел и захочет услышать, что его заказ отправлен, однако из всех посетителей в торговом зале только двое лысых мужчин в креслах. Каждый таращится на корешки книг на ближайшем стеллаже, словно их вполне достаточно для чтения. Один из них поднимает голову и становится похожим на обитателя пруда, глядящего из-под воды, и тут до Найджела доходит, что это те самые здоровяки, с которыми он столкнулся в «Стопке стейков».

Верхний этаж тут же кажется куда более приятным местом, пусть даже без окон. Кроме того, настало время для его тайной слабости. Найджел иногда задается вопросом, у всех ли имеется какой-нибудь глупый секрет, такой, что лучше умереть, если о нем станет известно. Он ведет себя как настоящий вандал с уже поврежденными или бракованными книгами: должно быть, ему требуется разрядка после исполнения обязанностей менеджера. Металлические сетчатые полки негромко позвякивают, когда он спешно пронесится через хранилище в поисках тележки, на которую швыряет с полдюжины бракованных видеокассет и вдвое больше книг. Он катит их к скамье в своей части кабинета и принимается рассматривать добычу.

Найджел даже мысли не допускает, что кто-то из работников причастен к порче видеокассет: даже на двух из них не попадаете одного и того же идентификационного номера продавца. Он наскоро заполняет графу «Причины возврата», пишет то «размытое изображение», то «размытая запись», то просто «размытость», и складывает кассеты к остальным в коробку, адресованную на склад в Плимуте. У книг гораздо больше причин, чтобы покинуть торговый зал: повторяющиеся абзацы в тексте, перекошенные строки, беспомощно сползающие со страницы, – и Найджел со вкусом звучно хрустит корешками, прежде чем швырнуть каждый провинившийся экземпляр в коробку, когда вдруг следующей книгой оказываются «Общинные земли и каналы Чешира». Он уже готов порадоваться за мистера Блюдса, но затем замечает, что вся средняя часть тоненькой книжицы, в том числе и несколько страниц, на которых, как он только что увидел, мелькает название «Заболоченные Луга», набрана таким размазанным шрифтом, словно книгу роняли в воду. Он бросает книжку в коробку и раскрывает самый дорогой том, целая сотня фунтов – альбом с репродукциями работ Лаури. Где же заявка на возврат? Найджел пролистывает плотные страницы: на них городские пейзажи такого мутно-коричневого цвета, как будто они написаны грязью, и там кишат похожие на насекомых фигурки, но больше ничего нет. С альбомом все в порядке, если не считать надорванной Найджелом суперобложки и тех страниц, которые он сам выдрал из переплета, когда швырял книгу на тележку. Испортил одну из самых дорогих книг в магазине!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.